

Мастер

...Цвела мозаика. В развалинах
Звенели блики голосов.
Войдя, один из дальних варваров
Лицо увидел сквозь песок.

Увидел небо светло-синее,
Белого золота полёт,
Как желтый остов древесины
Под стертой краской восстаёт,

Скупую выписанность ткани,
И зелень в слюдяных лучах;
Жену застывшую, веками
В глазах несущую печаль,

Ввысь уходящие стропила,
И вязь, что вывел богослов,
И как лиловые порфиры
Горят в закате куполов,

И кисти небывалый почерк
Обрел, и напряженье скул,
И руку верную, и очи,
И безъязыкость — и тоску.

Душа моя...

...**ЧТО КНИГИ** перелистывать —
Я слов не разберу:
Душа ль бежала из дому?
Иль разум мой в бреду?

Глаза мои лазурные,
Мой золотистый лен —
Они ль, землей разубраны,
Лежат под ковылём?

Персты не жмите кольцами,
Ни голову — венцом:
Душа моя — раскосая,
С оскаленным лицом...

Плывет ночными реками,
Густую гнёт траву,
Скользит степными ветрами
К далекому костру...

...Ей звездный лик очерился,
Ей ветер вьёт закон...
Душа моя — кочевница,
Летящая в огонь...

Песни девы

ТЫ, ЧЕЙ ВОЛОС подобен черной соломе,
Высохшей водоросли солёной,
Вьющейся трещине в моем лале,
Подобен всему, что мы потеряли;

Ты, чьи ноги легки, как сухое древо,
Как песок горы, пар воды у берега,
Как ковыль, летящий с заросших пашен,
Как все то, что вовеки не будет нашим;

Ты, чье око подобно темной и терпкой
Крови, не текшей по венам предка
Ни моего, ни из тех, кто рядом —
Цвет земли, что живёт войной и виноградом;

Ты, что первый средь равных и равный средь
первых,

Чьи уста горьки, как морская пена,
Чьи слова сладки, как медвяные яства,
Чьи пути тихи, словно тропы аспида.

Да клянутся твоим именем цари в спорах!
Да зовут твоим именем детей в селах!
Ты, что ловишь дев на золотые струны!
Для меня больше нет ни красивых, ни юных, —

Посмотри, это разве не ты со мной сделал? —
Нет ни тёмных, как мрак, ни, как лён, белых, —
Только ты есть один, и крепки твои пути, —
Ты, с которым — не буду.

К имени

НЕ НАЗОВУ ни сыновей, ни внуков
Гремящим, горьким именем — в день сует.
Пусть по складам из летописных букв
Его на древнем языке произнесут.

Пусть в ветхих сводах, в службе
беспрестанной
Его хранят затворников уста.
Ни глаз твоих, ни голоса, ни стана
Не выдаст в мир скупой полуустав.

Пусть вязь замков тугого переплета,
Пусть толща стен и памяти ключи —
Его спасут от времени навета,
От стрел татар уставят твердый щит.

Но дух, подобен молнии ночной,
Пусть он, сжигая книгу, повторится,
Когда мой сын, беспечный и земной,
В ней отворит тяжелую страницу.

Письмо Курбского

НАШ МИР ПОСТРОЕН из словес и тлена.
Судьба — как ночи августа темна.
Как от земли, пестря, уходит лето,
Моя душа уходит от меня.

И как мой род неосторожный вымер,
Я так же пропаду:
Мне хочется поехать во Владимир,
И в Слободу...

Мне хочется, глаза закинув в небо,
В дождях пропасть,
И гнать коней по вскруженному снегу —
Под листопад...

Идти бегом по бархатным палатам,
Во мрак ступень,
Через ползущий в половицах ладан,
Через капель;

И забывать, что чуден я и смертен,
И, мысль погнав,

Вдруг уловлять тревожный влажный ветер
В киот окна;

И глянуть в алой пропасти колодезь
Из мутных впадин...

Мне хочется любить тебя до слез
И на колени падать, падать, падать...

И ткать рассказ, как пелена ткалась,
Которую не царь — уж инок носит.

Мне хочется приехать... только раз...
В последний... Да пребудет с нами — Осень.